

УДК 811.111:81'23

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-12-21

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИЗУЧЕНИЯ ФОНОСЕМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Ражева Е.С.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу существующих в современной фоносемантике представлений о соотношении звука и значения. Данное научное направление рассматривает понятие «звукоподражание» и «звукосимволизм» как два аспекта одного явления – звукоизобразительности, как основы происхождения и развития языка. В связи с этим производится анализ целого ряда исследований, затрагивающих эту тему. Более того, значимость этого явления рассматривается, начиная с первых попыток формулирования проблемы и заканчивая самыми последними работами в данной области.

Ключевые слова: фоносемантика, фоносемантическая система, звукоподражание, звукосимволизм, теории происхождения языка.

MAIN FIELDS IN THE STUDY OF LANGUAGE PHONOSEMANTIC SYSTEM. ANALYTICAL REVIEW

E. Razheva

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio st., 10a, Russian Federation*

Abstract. The article is a brief review of works devoted to the problem of the correlation between sound and word meaning. The problem is crucial for phonosemantics. This research area examines the concept of “onomatopoeia” and “sound symbolism” as two aspects of a single phenomenon – echonism as the basis of the origin and evolution of a language. According to that, an analysis of several studies concerning this topic is carried out. Moreover the importance of this phenomenon is regarded from the first attempts to formulate the problem to the most recent works in this field.

Key words: phonosemantics, phonosemantic system, onomatopoeia, sound symbolism, theories of origins of a language.

Как известно, соотношение звука и значения интересовало человека с древнейших времён. Так, первые попытки теоретического осмысления этой проблемы отражены в древнеиндийских Ведах.

Греческое языкознание интересовалось проблемой соотношения звука и значения. Учёные разделились на приверженцев теории «physei» (греч. «природа, отприродность») и «thesei» (греч. «по установлению»). Согласно первой теории,

основой номинации всех предметов в мире является природа самих предметов. Ярким сторонником этой теории считается Гераклит Эфесский. Согласно теории «thesei», между предметом номинации и самим названием предмета существует условная связь, то есть некое условное соглашение, никак не связанное с природой денотата [1, с. 7–28]. Сторонники второй теории – Демокрит из Абдер и Аристотель из Стагиры.

Древнегреческий учёный Платон полагал, что не существует абсолютной свободы в выборе слова (имени). Эта свобода «ограничена свойствами предмета и свойствами звуков речи» [7, с. 6]. Согласно Платону, звуки в языке бывают быстрыми, тонкими, громадными. И, соответственно, с этими звуками соотносятся быстрые, громадные и тонкие предметы окружающего мира. Например, лексема, называющая быстрый предмет, имеет в своём составе «быстрые» звуки, а в слове, обозначающем громадный предмет, присутствуют «громадные» звуки. Придерживаясь теории «physei», Сократ, передавая речи Платона, говорит о символизме звуков. Например, в греческом языке звук [p] передаёт движение, следовательно, большая часть слов с этим звуком относится к глаголам (ερεϊκεϊν «сокрушать», θρύλλειν «крошить», κερματίζειν «раздроблять», ρύμβειν «кружить»). Приведём другой пример: звук [л] обозначает нечто мягкое и нежное, одновременно ласковое: *mel* – *мёд, любить* [7, с. 6–7; 1, с. 20].

По утверждению стоиков, «три (вещи) между собой сопряжены – обозначаемое, обозначающее и объект» [1, с. 69]. В их понимании обозначаемое – «... предмет, выраженный звуком, ко-

торый мы постигаем своим рассудком как уже заранее существующий» [1, с. 69], а под объектом они понимали внешний субстрат. В их теории идёт речь о звукоподражании, когда первые звуки подражали вещам, то есть стоики прослеживают связь между звуковым впечатлением и впечатлением, создающимся вещью.

В средневековый период проблема соотношения звука и значения имеет продолжение в дискуссии между номиналистами и реалистами. Приверженец учения номиналистов Пьер Абеляр полагал, что явления и предметы первоначальны и реальны, а на их основе затем возникают слова в качестве их названий. Согласно его концепции, реальны только предметы, а понятия о них создаются нашим сознанием. Представители учения реалистов (среди них Ансельм, епископ Кентерберийский) утверждали, что первоначальны слова и идея имени, а предметы и вещи вторичны. По их мнению, слова и понятия реальны, а предметы – их отображения [8, с. 107].

В Средние века и эпоху Ренессанса ведущая точка зрения в вопросе номинации остаётся за Аристотелем. В основе его теории фонетически немотивированное слово.

В теории русского языкознания на звукосимволизм опирается великий учёный М.В. Ломоносов: «Письмени *a* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *e, и, ъ, ю* – к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; чрез *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность» [8]. Гласные *o, y, ы* передают гнев, бо-

лезнь, зависть, печаль. Твёрдые *к, п, м* и мягкие *б, г, д* предназначены для передачи ленивых и тупых действий, таких как конский топот и крик некоторых животных. Твёрдые *с, ф, х, ц, ч, ш* и *р* для «действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных» [10, с. 241]. Фонемы *ж, з* и *в, л, м, н* необходимы для обозначения ласковых действий и вещей. Учёный полагал, что «все подробну разбирать как трудно, так и не весьма нужно» [10, с. 241–242], аргументируя это тем, что каждый носитель языка вправе выбирать фонемы по своему усмотрению.

Придерживаясь концепции мотивированности, Вильгельм фон Гумбольдт определяет три вида обозначения понятий: 1) живописный: «подобно картине, изображающий зрительный образ предмета, язык воссоздаёт его слуховой образ», представляющий собой подражание, «подражать при этом всегда приходится нечленораздельным звукам»; 2) символический, основанный «на подражании не непосредственному звуку или предмету, а некоему внутреннему свойству, присущему им обоим»; 3) аналогический, в основе которого лежит сходство звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий; наиболее продуктивный вид, так как строится уже на готовом инвентаре звуковых единств, созданных первыми двумя способами [6, с. 90–94]. Так, согласно концепции Вильгельма фон Гумбольдта: «в слове всегда наличествует двоякое единство – звука и понятия» [6, с. 90].

В дальнейших исследованиях учёные опирались на теории происхождения языка, которые получили развитие в последующие столетия. Это

такие теории, как: «звукоподражательная», «ономатопозитическая», «теория междометий», «трудовых выкриков», а также различные модификации этих теорий, в основе которых прослеживается соотношение звука и смысла.

В течение XIX столетия была разработана звукоподражательная (ономатопозитическая) теория происхождения языка, – «одна из теорий происхождения языка, согласно которой язык возник в результате того, что человек подражал звуковым (и незвуковым) признакам называемых объектов» [11]. Появившаяся в рамках концепции стойков в III в. до н. э., эта теория обрела новую жизнь в трудах Г.В. Лейбница. Согласно утверждению великого учёного, ономатопею можно отыскать в корневом языке [12]. С течением времени производные языки отдалялись от корневого и теряли свою звукоподражательность, становясь звуко-символическими.

Идея великого математика нам кажется достаточно целесообразной. С диахронической точки зрения, абсолютно все слова в языке мотивированы. Происхождение любого слова, в том числе его звукоподражательную основу номинации, можно проследить при помощи этимологических словарей. С другой стороны, если принять в расчёт диахронический подход к исследованию языка, найдётся довольно небольшое количество слов, отвечающих требованиям ономатопеи. Таким образом, можно согласиться с Г.В. Лейбницем, что корневой язык был звукоподражательным, а производные от него языки стремятся к звуко-символизму.

Учёные, работающие в рамках звукоподражательной теории происхож-

дения языка, дают довольно широкое определение звукоподражанию, то есть звукоподражание – подражание звука звуку (отражение в звучании слова звукового признака объекта-денотата) и подражание звука не-звуку (отражение в звучании слова какого-либо незвукового признака объекта-денотата), то есть одновременно, как собственно звукоподражание («трах», «ква-ква») и как звукосимволизм («бублик», «боб», «губа» – с губными звуками, характерными для обозначения чего-либо округлого, выпяченного) [11]. Однако у данной теории есть противники, критикующие её за «недооценку социальных условий возникновения языка и за абсолютизацию принципа звукоподражания» [11]. Таким образом, антагонисты этой теории пытаются опровергнуть роль явления звукоподражания в становлении и развитии языка и, более того, целиком вычёркивают явление звукосимволизма, как несуществующее.

Следующая теория происхождения языка, представляющая несомненный интерес, – теория междометий. Свои истоки она ведёт от эпикурейцев, идейных антагонистов стоиков. Теория междометий была выдвинута французским философом Ж.-Ж. Руссо и получила своё развитие в трудах немецких учёных Я. Гримма и Г. Штейнталя. Согласно этой теории, первые слова появились из междометий или непроизвольных выкриков, производимых на основе чувственного восприятия человеком окружающего его мира. Идея теории состоит в том, что слова появились благодаря чувствам, внутренним ощущениям, которые явились стимулом для развития языковых способностей. Таким образом, первоначаль-

на возникновения слов – одинаковое чувственное восприятие мира у всех людей. Однако в теории не отражается существование эмоционально неокрашенных слов, представляющих собой нейтральные обозначения предметов и явлений внешнего мира [16, с. 459]. По утверждению А.А. Реформатского, «данная теория предполагает наличие «человека без языка», который пришёл к языку через страсти и эмоции» [16, с. 459].

Одним из ответвлений междометной теории происхождения языка можно назвать теорию трудовых выкриков. Она нашла отражение в работах Л. Нуаре и К. Бюхера, вульгарных материалистов. В соответствии с теорией, в основе междометных выкриков лежат не чувства и эмоции, а мускульное напряжение людей, объединённых совместным трудом. Однако «ни одной функции, характеризующей язык, в этих «трудовых выкриках» обнаружить не удалось, так как они не коммуникативны, не номинативны, и не экспрессивны» [16, с. 460].

Рассмотренные теории основаны на том представлении, что человеческая психика, сознание и знания об окружающем мире едины. На основе этого представления возникло предположение об универсальной первоначальной звуковой оболочке слов у всех людей в одинаковой ситуации. Поэтому первая коммуникация между членами сообщества возникла благодаря звукоподражательным словам, междометиям и трудовым выкрикам, считающимся наиболее простыми по информативности. Более того, согласно теории «трудовых выкриков», изначально слова-звуки служили номинацией предметов и явлений, не воспринимаемых слухом.

Ещё одна теория происхождения языка, заслуживающая внимания – это жестовая теория. Её сторонники (Э. Кондильяк, Ж.–Ж. Руссо и В. Вундт) полагали, что язык произведен и бессознателен. Язык человека начинается с физических действий (пантомимы). Приверженцы этой теории выделяют следующие «мимические движения»: рефлексорные, указательные и изобразительные. Рефлексорные движения, порождённые чувствами, позднее преобразовались в междометия. Указательные и изобразительные движения, передававшие представления о предметах и их очертаниях, преобразовались в корни будущих слов. Что касается первых высказываний, то это были, по их мнению, глаголы без существительных и представляли собой слова-предложения: «светит», «звучит» [4; 5].

По утверждению Ж.–Ж. Руссо, жесты потеряли свою значимость и отпали с возникновением членораздельного языка. Ведь жесты имеют много недостатков. Например, во время работы, когда руки заняты, с их помощью трудно общаться, а общаться на большом расстоянии, в темноте или в плохой видимости вообще невозможно. В связи с этим звуковой язык вытеснил жестовый, но не полностью.

В качестве вспомогательного средства общения жесты всё же присутствуют в коммуникации. Паралингвистика изучает невербальные средства общения, к которым относятся жесты. Концепция В. Вунда о преобразовании жестов в звуковую речь нашла отражение в современной фоносемантике. Так, С.В. Воронин полагает, что звук находится в подчинении у жеста, поэтому «жест первичен по отношению

к звуку» [3, с. 137]. В качестве доказательства он акцентирует внимание на жестозвуковом (кинефоническом) характере первых детских слов.

Французский учёный Люк Бенаус подводит черту и обобщает все теории происхождения языка, выделяя четыре его источника. Первый – имитационный источник (иначе, звукоподражательная теория), второй – эмоциональный источник (междометная теория), третий – гармонический источник (звукосимволизм) и четвёртый – социальный источник (теория трудовых выкриков). По его мнению, язык родился из песен и хорового пения, сопровождающего мускульное напряжение [2, с. 21].

Мы считаем, что наиболее целесообразной теорией происхождения языка можно назвать «звукоподражательную теорию». Если рассматривать «междометную теорию» и «теорию трудовых выкриков», то в этих теориях полностью исключена основная функция языка – коммуникативная. Следовательно, эти теории не очень подходят для объяснения происхождения языка. Что касается жестовой теории, то нам кажется, что жест всегда подкреплялся словом, иначе его можно трактовать совершенно по-разному в одних и тех же ситуациях. Он может быть амбивалентен, он выполняет вспомогательную функцию передачи информации, а основная – всё-таки за словом. В то же время, звукоподражательные слова, как нам кажется, представляют базис любого языка и его первооснову. Номинация по звуку – самый простой способ наименования, с нашей точки зрения. В качестве доказательства мы приводим так называемый «детский язык», когда дети

вместо привычных слов используют ономотопы. Например, слово «машина» они очень часто заменяют на «бика», беря за основу номинации звук, который издаёт машина.

Продолжение диспутов о соотношении звука и значения возобновляется после появления труда Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики», где автор склоняется к идее о произвольности языкового знака. Учёный полагал, что «связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, поскольку под знаком мы подразумеваем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем сказать проще: языковой знак произволен» [17, с. 79].

Согласно мнению С.В. Воронина [3], явление мотивированности входит в разногласие с явлением произвольности языкового знака Ф. де Соссюра. Швейцарский учёный утверждал, что существует произвольность знака как произвольность отношения между означающим и означаемым внутри языкового знака. Под этим он понимал «произвольность» как немотивированность знака в целом (означающее плюс означаемое) по отношению к денотату, и соответственно, произвольность выходила за рамки языкового знака и даже за рамки языковой системы, то есть «связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или <...> языковой знак произволен» [17, с. 79]. По его мысли, мотивированность представляет собой явление, при котором существует неразрывная связь между формой и содержанием, то есть мотивированность – это отражение свойств предмета в его номинации.

Теперь обратимся к звуко-символизму. По мнению О. Есперсена, прово-

дившего анализ фонемы *i* на примере нескольких языков, гласный *i* отражает такое значение слова, как «маленький» [19].

В современной фоносемантике выделяют два типа символизма: субъективный и объективный. Первый представляет собой выделяемую экспериментальным путём связь значений и звуков в сознании человека. Объективный – подобная связь в рамках того или иного языка [9, с. 22–32]. В субъективном символизме выявлены некоторые корреляции между понятиями и дифференциальными признаками фонем [там же]. Так, понятие «большой» ассоциируется со звонкостью, дрожанием, задним рядом, нижним подъёмом; понятие «маленький» ассоциируется с глухостью, латеральностью, передним рядом, верхним подъёмом, средним подъёмом. Сопоставительный анализ пятидесяти трёх языков показал, что звуко-символизм – явление относительное из-за того, что некоторые звуки обладают символическим значением лишь благодаря тому, что им противопоставлены другие звуки. Поэтому звуко-символические оппозиции не всегда совпадают с коммуникативными оппозициями в языке [9, с. 22–32].

Используя метод семантического дифференциала Ч. Осгуда и его шкал, А.П. Журавлёв продолжил исследования эмпирического звуко-символизма на основе звуков русского языка и построил индивидуальные и групповые семантические пространства [7]. Опорой расположения объекта в семантическом пространстве можно назвать его оценивание по набору биполярных оценочных шкал, противоположные полюса которых заданы с помощью

вербальных антонимов. Согласно разработанным Ч. Остудом трём базис-

ным оценочным семибальным шкалам:

«оценка»:	<i>хороший</i>	3	2	1	0	-1	-2	-3	<i>Плохой</i>
«сила»:	<i>сильный</i>	3	2	1	0	-1	-2	-3	<i>Слабый</i>
«активность»:	<i>активный</i>	3	2	1	0	-1	-2	-3	<i>Пассивный</i>

На основе оценки звуков в соответствии со шкалами, имеющими ассоциации с понятиями, такими, как «большой – малый», «высокий – низкий», А.П. Журавлёв устанавливает звуко-смысловые соответствия в русском языке. У каждого звука есть своё собственное место в смысловом пространстве шкал [7, с. 57–58].

Несколько позднее на основе этой методики получила развитие идея о звукоцветовой ассоциативности, понимаемой «как универсальный, национально обусловленный в языковом сознании и индивидуально функционирующий в тесте феномен» [15, с. 4]. В результате была создана звукоцветовая картина мира. Как показало исследование, каждая звукобуква ассоциируется у испытуемых с определённым цветом. Таким образом, большинство русскоязычных и англоязычных участников эксперимента сошлись во мнении, что звук **А** ассоциировался с красным цветом, **О** – с белым. В итоге, гипотезу об универсальности звукоцветовых соответствий можно считать верифицированной.

В современной лингвистике относительно новое научное направление – фоносемантика занимается продолжением исследования проблемы соотношения звука и смысла. Фоносемантика образована «на стыке фонетики (по плану выражения), семантики (по плану содержания) и лексикологии (по совокупности этих планов)» [3,

с. 21]. Рассмотрение звукоизобразительной системы языка происходит в панхронии. Один из ведущих ученых в данной области – С.В. Воронин обращается к звукоизобразительности как к основе происхождения языка. Более того, явления «звукоподражания» и «звукоимовизма» рассматриваются им как две стороны одного понятия – звукоизобразительности. Учёный анализирует не только отдельные фонемы и дифференциальные признаки, но и корневые модели типа CVC, VCC, CCV, VCV, обозначающие те или иные типы внешних звучаний. Учёный приводит классификацию ономастов (инстанты, континуанты, фреквенталии, их разновидности) [3, с. 21].

Концепция С.В. Воронина о примарной генетической мотивированности языкового знака находит дальнейшее развитие в работах А.Б. Михалева, в его теории «фоносемантического поля». Фоносемантическое поле – это «сложное системное образование с выделяющимися в нём ядром и периферическими зонами», которое «доводит лингвистическую проблему «форма–содержание» до логического завершения» [13, с. 5–14]. Учёный рассматривает значение системно, то есть в совокупности с другими значениями, которые он называет валентностями. Способность значения формировать множество связей он называет «поливалентностью», а сама совокупность этих свя-

зей получает название «семантическое гнездо» [13, с. 100–106].

Фоносемантическая система русского языка находит отражение в трудах С.С. Шляховой, которая называет эту систему «фоносемантической маргиналией» и вводит в научный оборот такие понятия, как фоносемантические маргиналии говорения, «подзывные» и отгоняющие лексемы [18]. В работах исследователя рассматриваются социолингвистические аспекты звукоизобразительной лексики [3; 14; 18].

Таким образом, мы считаем, что благодаря фоносемантике понятие «фонема» обрело новое звучание. В классическом языкознании она понимается как абстрактная единица, не имеющая самостоятельного лексического и грамматического значений, то есть обладающая формой, но не содержанием. В фоносемантике фо-

нема обретает содержание на основе звукоизобразительности.

Несмотря на то, что исследователи испокон веков спорили о мотивированности языкового знака: одни учёные считали его немотивированным (Пьер Абеляр, Ф. де Соссюр), другие (их большинство) всё-таки сходились на его мотивированности, – не вызывает сомнения существование явления звукообразительности, которое подтверждается разнообразными иконичными теориями происхождения языка. Как наглядно демонстрирует аналитический обзор многочисленных исследований, посвящённых соотношению звука и значения с древнейших времён и до новейших работ по фоносемантике, звукоизобразительность – универсальное языковое явление, сыгравшее ведущую роль в формировании языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Античные теории языка и стиля: антология текстов / под ред. О.М. Фрейденберг. М.: ОГИЗ Гос.соц.-эконом.изд-во, 1936. 340 с.
2. Бенуас Л. Знаки, символы, мифы. М.: Астрель, 2006. 160 с.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2009. 248 с.
4. Вундт В.М. Душа человека и животных: лекции проф. Гейдельберг. ун-та В. Вундта / пер. с нем. Е.К. Кемница. СПб., 1894. Т. 1–2. С. 155–169.
5. Вундт В.М. Индивидуум и общество: речь, произнесённая 23 апреля 1891 г., в день рождения короля саксонского Альберта, в Лейпцигском ун-те / пер. с нем. В. Вундт. СПб.: Типо-лит. А. Рабиновича и Ц. Крайза, 1896. 36 с.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; общ. ред. Г.В. Раминашвили. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
7. Журавлёв А.П. Звук и смысл. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
8. Краткий очерк истории философии / под ред. М.Т. Иовчука, Т.И. Ойзермана, И.Я. Щипанова. 2-е изд., перераб. М.: Мысль, 1969. 790 с.
9. Левицкий В.В. Звуковой символизм. Основные итоги. Черновцы: ЧГУ, 1998. 130 с.
10. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. / Ломоносов М.В. Сочинения: в 10 т. Т. 7. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 996 с.
11. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990 [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения 10.05.2016).
12. Мерцалова Г.Н. К вопросу о происхождении языка: лекция № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://pool.tsput.ru/res/lang/yazykozni/jaz_zn_3.htm (дата обращения: 06.05.2016).

13. Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля: дисс. ... док. филол. наук. Пятигорск, 1995. 294 с.
14. Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля: монография. Пятигорск: ПГЛУ. 1995. 213 с.
15. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: автореф. дисс. ... док. филол. наук. Саратов, 2009. 47 с.
16. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. 5-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2008. 536 с.
17. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
18. Шляхова С.С. Фоносемантические маргиналии в русской речи: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Пермь, 2006. 41 с.
19. Jespersen O. Symbolic value of the vowel i // *Linguistica*. Copenhagen: Levin and Munksgaard. 1933. P. 283–303.

REFERENCES:

1. Antichnye teorii yazyka i stilya: antologiya tekstov [Ancient theories of language and style: an anthology]. М., OGIz Gos. sots.-ekonom. izd-vo, 1936. 340 p.
2. Benuas L. Znaki, simvoly, mify [Signs, symbols, myths]. М., Astrel', 2006. 160 p.
3. Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki [The basics of phonosemantics]. 3rd ed. М., LENAND, 2009. 248 p.
4. Vundt V.M. Dusha cheloveka i zhitovnykh: leksii prof. Geidel'berg. un-ta V. Vundt. T. 1–2 [The soul of man and animals: lectures by professor of Heidelberg University V. Wundt. Vols 1–2] / Transl. from German by K.E. Chemnitz. SPb., 1894. pp. 155–169.
5. Vundt V.M. Individuum i obshchestvo: rech', proiznesennaya 23 aprelya 1891 g., v den' rozhdeniya korolya saksonskogo Al'berta, v Leiptsigskom un-te [The individual and society: speech delivered on April 23, 1891, the birthday of king Albert of Saxony, Leipzig University]. SPb., Tipo-lit. A. Rabinovicha i TS. Kraiza, 1896. 36 p.
6. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics]. М., Progress, 2000. 400 p.
7. Zhuravlev A.P. Zvuk i smysl [The sound and the meaning]. 2nd ed., rev. & enl. М., Prosveshchenie, 1991. 160 p.
8. Kratkii ocherk istorii filosofii [A brief sketch of the history of philosophy]. 2nd ed., rev. М., Mysl', 1969. 790 p.
9. Levitskii V.V. Zvukovoi simvolizm. Osnovnye itogi [Sound symbolism. The main results]. Chernivtsi, CHGU, 1998. 130 p.
10. Lomonosov M.V. Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. Sochineniya: v 10 t. T. 7 [A brief guide to eloquence. Works in 10 volumes. Vol. 7]. М.-Л., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. 996 p.
11. LES: Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / pod red. V.N. Yartsevoi. [Elektronnyi resurs]. [LED: Linguistic encyclopedic dictionary / ed. by V.N. Yartseva. [E-source]]. М.: Soviet encyclopedia, 1990 URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (request date 10.05.2016)
12. Mertsalova G.N. K voprosu o proiskhozhdenii yazyka: lektsiya 3 [Elektronnyi resurs]. [On the origin of language: lecture 3 [Electronic resource]]. URL: http://pool.tsput.ru/res/lang/yazykozn/jaz_zn_3.htm (request date 06.05.2016).
13. Mikhalev A.B. Teoriya fonosemanticheskogo polya: diss. ... dokt. filol. nauk [Phonosemantic field theory: doctorate thesis in Philology]. Pyatigorsk, 1995. 294 p.

14. Mikhalev A.B. Teoriya fonosemanticheskogo polya: monografiya [Phonosematic field theory: a monograph]. Pyatigorsk, PGLU, 1995. 213 p.
15. Prokof'eva L.P. Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost' v yazykovom soznanii i khudozhestvennom tekste: universal'nyi, natsional'nyi, individual'nyi aspekty: avtoref. diss. ... dok. filol. nauk [Sound-colour associativity in language consciousness and in literary text: universal, national, individual aspects: abstr. of doctorate thesis in Philology]. Saratov, 2009. 47 p.
16. Reformatskii A.A. Vvedenie v yazykovedenie [Introduction into linguistics]. 5th ed., rev. M., Aspekt Press, 2008. 536 p.
17. Sosyur F. de. Kurs obshchei lingvistiki [A Course in General Linguistics]. M., KomKniga, 2006. 256 p.
18. Shlyakhova S.S. Fonosemanticheskie marginalii v russkoi rechi: avtoref. diss. ... dok. filol. nauk [Phonosematic marginalia in Russian speech: abstr. of doctorate thesis in Philology]. Perm, 2006. 41 p.
19. Jespersen O. Symbolic value of the vowel i // *Linguistica*. Copenhagen: Levin and Munksgaard. 1933. P. 283–303.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Разева Елизавета Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: razheva.elizaveta@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta S. Razheva – candidate of Philology, senior teacher at English philology department, Institute of linguistics and cross-cultural communication, Moscow Region State University;
e-mail: razheva.elizaveta@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Разева Е.С. Аналитический обзор основных направлений изучения фоносемантической системы языка // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2016. № 5. С. 12–21.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-12-21

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Razheva. Main fields in the study of language phonosemantic system. Analytical review // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2016. no. 5. Pp. 12–21.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-5-12-21